

На тридцатом году Оксана яснее, чем когда-либо прежде, стала ощущать быстротечность жизни. Недели понеслись за неделями, как вагоны скорого поезда, безжалостно унося прочь даты, события, лица.

Зима, которая обычно тянулась долго и успевала порядком поднадоесть, в этот раз как будто сократилась раза в два, а то и во все три. Весна отцвела и осыпалась дней за десять... Дочка вдруг выросла. Вытянулась, стала совсем самостоятельной. Оксана смотрела на нее со смешанным чувством радостного удивления и сожаления. Вот бы время сейчас взяло и остановилось! Зачем оно проходит, дети вырастают, а их родители стареют?

У нее на лбу уже четко обозначились две морщинки. Они не обратили ее в панику, не ввергли в депрессию. Просто

заставили задуматься о том, что старость придет гораздо быстрее, чем кажется, а за старостью и та пора, когда ее не станет. А когда ее не станет, мир не ощутит никакой утраты, и все будет продолжаться в нем, как было: будет падать снег, будут благоухать луга, будут стучаться в окна осенние дожди — и все это уже без нее, не для нее.

Поначалу эти мысли вызывали у Оксаны обиду и протест.

Но чем больше она размышляла, тем сильнее ее начинало волновать другое: ведь нужно же как-то так распорядиться отпущенным временем, чтобы жизнь не прошла впустую!

Она даже интернет призывала себе на помощь. Там советовали найти интересное занятие или сменить место работы. Это ее только рассмешило. Пожалуй, в деревне сменишь! Хоть бы найти сначала.

Оксана никогда нигде не работала. Муж был не против. Занималась домом, хозяйством, дочерью. Вот и в тот день собралась с ней в библиотеку за книгами, которые задали прочитать летом. Конечно, дочка могла бы сходить и одна, но Оксана подумала, что вдруг книги окажутся большими и тяжелыми. Да к тому же библиотекарем работала ее родная тетя. Почему бы не повидаться заодно?

В библиотеке готовилось какое-то мероприятие. За столом, заваленным бумагами, старыми фотографиями, газетными вырезками что-то оживленно обсуждали ее тетя Татьяна Петровна и заведующая почтой Галина Михайловна.

— Так вот, Оксана же рядом с тетей Капой Волковой живет! — обрадованно указала на нее рукой Татьяна Петровна в ответ на смущенное «Здравствуйте».

Обе разом уставились на Оксану, что-то мгновенно прикинув на ее счет.

Оксана насторожилась.

Галина Михайловна, быстрым движением среднего пальца поправив очки на переносице, спросила:

— Оксана, ты сможешь Капитолине Алексеевне приглашение передать?

— Сможет, конечно! Что тут не смочь! — уверенно ответила за нее тетя.

— Только нужно лично в руки передать, — уточнила заведующая почтой. — Ты ей прямо зачитай его, хорошо?

— Какое приглашение? — спросила наконец Оксана, онемевшая вначале от их напора.

Оказалось, что через неделю состоится празднование девяностолетнего юбилея почты, а они, организаторы этого грандиозного мероприятия, чуть не забыли о Капитолине Волковой, которая хоть и недолго, но какое-то время работала почтальоном. Хорошо, что у них осталось несколько неподписанных приглашений.

— Так ведь у нас и фотографии ее нет, — вспомнила Татьяна Петровна и с подкупающей улыбкой посмотрела на Оксану: — Оксаночка, миленькая, спроси еще у Капитолины Алексеевны фотографию примерно тех лет, когда она работала на почте, хорошо? Нам для презентации нужно.

— Ну не обязательно тех лет, — вмешалась Галина Михайловна. — Такой у нее может и не быть. Спроси любую, где она молодая была.

— А может, у нее какие-нибудь интересные воспоминания есть? — предположила Татьяна Петровна. — Оксана, ты захвати с собой небольшой блокнотик, поспрашивай ее, ладно?

— Мы тебя в оргкомитет принимаем! — пошутила Галина Михайловна и уже серьезно попросила: — Помоги, пожалуйста, будь другом. Сходи к ней вечером. Мы бы и сами сходили, но времени и так в обрез. Неделя всего осталась, а у нас еще почти ничего не готово.

— Ну, схожу, — подумав, вяло пообещала Оксана.

Если честно, ей не очень-то хотелось идти к тете Капе, как по-соседски называли ее все на их улице. Вручить приглашение — одно, но брать интервью, выпрашивать фотографию было как-то неудобно. Однако отказать в просьбе этим так рассчитывающим на нее людям она не посмела.

Тетя Капа жила через дом от Оксаны. Это была худенькая нескандальная, приятная на вид старушка. Ее белые-белые волосы всегда были собраны в аккуратную шишечку на затылке, в руке — неизменная трость, без которой она даже на лавочке посидеть

не выходила. На приветствия прохожих тетя Капа всегда очень серьезно отвечала глубоким кивком головы.

К своему стыду, Оксана совсем ничего об этой бабушке не знала, хоть и жила с ней практически по соседству уже пятый год. Ни о том, где она работала, ни о муже (и был ли он вообще), ни о детях. Приезжали каждое лето к ней в гости то ли сын со снохой, то ли дочь с зятем. Отчество и то впервые услышала только сегодня...

Дом ее был таким же опрятным, как и его хозяйка. Внутри, правда, Оксане никогда еще не приходилось бывать. Она постучала в дверь, прежде чем войти, немного все-таки робея. Вдруг тете Капе не понравится ее визит?

Старушка мыла старую загоревшую кастрюлю, постукивая ею о края железной раковины. Тросточка услужливо прислонилась к шкафчику рядом.

— Здравствуйте, Капитолина Алексеевна! — громко поздоровалась Оксана.

— Здравствуйте, — кивнула старушка и доброжелательно-вопросительным взглядом посмотрела нежданной гостье в лицо, но увидев, что та достает какую-то бумажку, как будто рассердилась:

— Налог, что ли? Я на той неделе уплатила!

— Нет-нет! — поспешила успокоить ее Оксана и, громко и четко проговаривая каждое слово, стала объяснять: — Я принесла вам приглашение. В следующую пятницу наша почта будет отмечать юбилей — девяносто лет.

— Почта? — переспросила старушка и махнула рукой. — У-у-у! Да я там почти и не работала. Зачем меня-то?

— Ну как же, все равно ведь работали, — Оксана протянула ей приглашение. — В пятницу, в три часа. Обязательно приходите.

Тетя Капа заулыбалась тонкими бесцветными старушечьими губами.

У Оксаны от этой улыбки вдруг защемило сердце. Какое-то внезапное умиление вызвала у нее эта бабушка. Так умиляются при виде маленьких детей, котят, щенят, а тут — старушка...

— Тетя Капа, а у вас случайно нет фотографии тех лет, когда

вы на почте работали? — Оксана приступила ко второму пункту своего визита.

Бабушка задумалась.

— Была кака-то. Ты присядь к столу. Я принесу щищас. Если не пропала, то найдем, — и через несколько минут, смахнув тряпкой крошки со стола прямо на пол, бережно, как стеклянную вазу, положила перед гостьей прочный полиэтиленовый пакет с фотографиями. — Щищас посмотрим, — она взяла с подоконника футляр с очками (видимо, любила наблюдать за прохожими из окна) и непослушными от волнения руками стала надевать их. Одна дужка упрямо не хотела цепляться за ухо, угнездилась там только с четвертой или пятой попытки.

— А сколько лет вы проработали на почте? — поинтересовалась Оксана и раскрыла блокнот, собираясь записывать ценные сведения.

Старушка помолчала, высчитывая в уме, потом ответила:

— Два года, да еще чуть-чуть. Это я в шестом сюда переехала и почтальонкой устроилась. А в шестом третьем в контору ушла. Не смогла почтальонкой. Ноги сильно болели. Мне же на лесозаготовке, девчонкой еще была, здоровая лесина обе ноги перебила. Всю жизнь вот мучаюсь теперь, срослись, а болят, не перестают. Надо было операцию делать, а мама не повезла.

— Ой, надо же так, — искренне посочувствовала Оксана и посчитала своим долгом приободрить старушку: — Ну, хорошо хоть на своих ногах, не в коляске.

— Слава Богу, — согласилась тетя Капа. — Восемьдесят первый год мне пошел, дюжат еще, — и высыпала из пакета кипу черно-белых снимков. — Вот, гляди.

— А в те годы, что на почте работали, может, случаи какие-нибудь интересные происходили, не помните? — Оксана продолжала между делом расспрашивать старушку, покручивая в пальцах авторучку.

Тетя Капа покачала головой:

— Да какие случаи? Работала и работала...

«Работала и работала», — зачем-то записала Оксана в блокнот. Интервью зашло в тупик. О чем еще можно было спрашивать, она не знала.

Старушка протянула ей старую желтую фотографию с обломанным уголком:

— Это я. Красива была, правда?

С фотографии смотрела девушка с толстой косой через плечо, в длинном платье и сапогах со стыдливо спрятанными за спиной руками. Снимок был на удивление четким, личико девушки действительно было симпатичным. Впрочем, будь даже наоборот, она все равно была бы прекрасна одной только своей нежной, прелестной юностью. Оксана залюбовалась снимком и вдруг до нее дошло, что эта бабушка с белой-белой шишечкой на голове, в смешных квадратных очках в толстой желтой пластмассовой оправе, с тонкими обескровленными губами и морщинистым лицом была когда-то молодой.

Молодой, резвой, кокетливой девчушкой. Она выросла, совершала ошибки, радовалась, страдала, любила, переживала чудные сладкие мгновения счастья, была здорова и полна сил...

— А это я с сестрой Глашей, — тетя Капа подала Оксане следующую фотографию. — Она рано умерла. От воспаления легких.

На этом снимке на фоне высокого деревянного забора стояли две очень похожие девушки. Обе в платочках, завязанных под подбородком, и в фуфайках. Только одна чуть повыше другой.

— Ох, как я по ней тосковала! — вздохнула тетя Капа, и Оксане показалось, что глаза ее за очками увлажнились. — Погодки мы с ней, вместе росли. А после войны от всей семьи вдвоем только остались... Отец и два брата, Федя и Митя, на войне погибли. Похоронки на них пришли. Еще сестренка у нас была маленькая, Зоей звали, умерла. А маму кони затоптали. Испугались чего-то, понеслись, а она через поле шла с сенокоса, — и вдруг смущенно сообщила, не подав, а легонько кинув следующее фото: — А это жених мой, Васька Капустин.

Васька Капустин, озорно сощурившись, поглядел на Оксану из-под козырька кепки.

«Капустин. А она Волкова. Значит, не сложилось у них», — быстро сообразила Оксана. Ей стало интересно узнать почему, но спросить она постеснялась.

Тетя Капа сама начала рассказывать.

— Пробивной парень был. Бывало, если что задумает, пока не сделает своего, не успокоится. И вот, не захотел он в деревне. «Поеду, — говорит, — в город. Устроюсь, а потом тебя заберу».

— Понятно, — вздохнула Оксана. Оказывается, все до банального просто. Встретил другую. И всем сердцем пожалела тетю Капу, на долю которой выпало столько испытаний.

Тетя Капа продолжала рассказывать так спокойно и просто, как будто не о себе:

— А тут как раз Глаша умерла. Двое ребят у нее остались. Он приехал за мной, да как же я уеду? Единственных кровиночек своих сиротиночками оставляю? Не поехала.

— А отец был у них? — спросила Оксана.

Бабушка махнула рукой:

— Да какой там отец? Пил всю дорогу, гулял. В тюрьме помер.

— Сколько же лет вам тогда было?

— Двадцать второй год мне пошел. Коле — шестой. Иринке — третий. Так и вырастила их, вместо своих, — помолчав немного, она добавила чуточку хвастливо: — Находились мне еще женихи, сватались, а я думаю, ведь совсем чужие им ребята мои. Вдруг обижать зачнут. Не пошла ни за кого. Так всю жизнь ради них и прожила. Когда Коля четыре класса закончил, думаю: ну, надо переезжать туда, где школа есть. В нашей-то деревне только четыре класса, а дальше за восемнадцать километров надо ездить, в интернате жить. Как же я их в интернат сдам? Вдруг обижать зачнут? А они и так уже судьбой обижены... — и вдруг спохватилась: — Погоди, что это я чайник-то не поставила?

— Не нужно, не беспокойтесь, — заотказывалась Оксана. Но старушка, похоже, не расслышала и, ловко подхватив свою тросточку, заковыляла ставить чайник, оставив гостью обдумывать услышанное и упорядочивать ошеломленные мысли.

— И вы ни разу не пожалели о том, что... — Оксана замялась, подбирая правильные слова, — что посвятили свою жизнь племянникам?

Нужное фото уже было найдено, рассыпанные по столу снимки сложены обратно в пакет, чай вскипячен и налит в чайнушки с красными горошинами.

Тетя Капа ответила не сразу, словно раздумывала, говорить правду или утаить.

— Всяко бывало... — решила наконец она. — Коля шабунной рос. В отца. То подерется с кем, то еще что натворит. После девятого класса из школы уходить собрался. Ну ладно. Поступил в райцентре в ПТУ. Месяца два он проучился, приходит ко мне Татьяна Захарова, ее Ванька с моим Колей вместе учиться уехал. И говорит: «Колька твой учебу забросил, связался с плохой компанией, ночами гуляет, днем отсыпается. Деньги, что ты ему посылаешь, пропивает. У Ваньки моего еще месяц назад занял три рубля и до сих пор не отдал». Собралась я на следующий день, поехала домой его забирать. А он встал передо мной, глаза бешеные, — старушка вздохнула так глубоко, словно не воздуха хотела глотнуть, а сил для того, чтобы продолжить рассказ. — Кричит: «Никуда не поеду! Это моя жизнь! Не лезь! Ты вообще кто такая? Ты мне не мать! Да я спал и видел, как бы поскорее от тебя уехать, новую жизнь начать». Меня как будто по голове камнем стукнули. Стою, и язык отнялся. Постояла, постояла и на вокзал пошла. Вот тогда и пожалела. Не мать есть не мать. Подумала тогда, что надо было себе хоть одного своего родить... Чай-то уж поди остыл, давай горяченького подолью.

— Нет, нет, — замотала Оксана головой, страшно желая узнать продолжение, — я горячий не люблю. А где сейчас этот Коля?

— Щищас Коля в милиции работает, за Омском живет, — тетя Капа махнула рукой в ту сторону, где, по ее мнению, находился Омск, и продолжала: — Вот купила я билет, автобус подошел, опять стою, думаю. Это как же я его щищас тут одного оставлю? У него же ума-то нет еще! Да и у самой столько же. Он же со зла мне все это наговорил. Вернулась. А он уже и сам переживает, сидит, глаза опустил. «Я тебе покажу — не мать! — говорю. — Мать я тебе! Собирайся! Рано ты новую жизнь начал. Вот в армии отслужишь, тогда и начинай».

Подперев ладонью подбородок, бабушка уставилась в окно невидящим взглядом. Оксана хотела сделать глоток чаю, но передумала. Побоялась спугнуть ее воспоминания, в которые она так пристально всматривалась.

Их спугнула рыжая кошка, неожиданно запрыгнувшая хозяйке на колени. Старушка столкнула ее обратно на пол.

— Да он сызмальства такой был, — снова заговорила она о Коле, — ершистый. Никогда мамой меня не называл. Никак не называл, ни мамой, ни тетей. Да мне и не надо было. Я старалась, чтобы они свою родную мать не забыли. Часто им про нее говорила. И на родительский день каждый год на могилку к ней возила.

Кошка снова запрыгнула тете Капе на колени. На этот раз она не прогнала кошку, провела дряблой рукой по мягкой рыжей спинке.

— А девочка? — поинтересовалась Оксана.

— Иринка-то? — лицо старушки просветлело. — Иринка другая. Ласковая. Все около меня вертелась, пока росла. Все ее секреты я знала. И про подруг, и про женихов. Видать, потому что девчонка... В райцентре живет. Медсестрой работает. Каждый год, как в отпуск идет, обязательно приезжает. Красит мне, белит, моет... — тетя Капа благодарно улыбнулась в окно. — Телефон мне купила. Часто звонит. Про Колю мне рассказывает. Они по антернету друг другу пишут.

— А Коля приезжает?

— Коля редко. Но прошлый год был, на восемьдесят лет телевизор мне большущий привез! В комнате стоит, погляди, — похвасталась старушка.

Оксана послушалась и заглянула в комнату. На старом полированном столе действительно стоял большой плоский телевизор.

Оксана мысленно похвалила племянников тети Капы. Не забывают о том, что она для них сделала. Принесла в жертву всю свою жизнь: несостоявшееся семейное счастье, материнство...

— Спасибо, не забывают меня, — вслух согласилась с ней тетя Капа. — Иринка все к себе зовет. Да как же я поеду? У меня вот Мурка, — старушка ласково похлопала рыжую кошку, уже успешную сладко задремать на ее коленях, и кошка, подняв голову, издала короткое вопросительное «Мур?».

Оксана словно услышала недосказанное «Как же я ее оставлю? Вдруг ее обижать зачнут?»

— Да и цветочки мои как же? — старушка продолжала приводить доводы, убеждая Оксану, что никак не может переехать к дочери. — Куда их? Они ведь живые. Только говорить не могут, а заботу и ласку чувствуют, как и всякая животина.

Столпившиеся на подоконниках разноцветные герани, фуксии, фиалки в майонезных горшочках внимательно прислушивались к словам своей хозяйки.

— Пока ноги дюжат, никуда не поеду! — решительно пообещала им та, тряхнув белоснежной шишкой на голове.

...Оксана вышла от тети Капы с пустым блокнотом, но переполненная эмоциями и еще чем-то ценным и важным и даже как будто слегка захмелевшая от ее чая.

Остаток вечера за будничными хлопотами неслышно стек за горизонт, улица уснула. Уснула дочь в обнимку с плюшевым зайцем. Уснул заяц. А ей все не спалось. Закрывай — не закрывай глаза, перед ними одна картинка: сидит на лавочке тетя Капа, сжимая в иссохшей руке свою трость, молчаливо наблюдает за чужими бурлящими жизнями, с уважением кивает их молодым обладателям... Удивительный человек! Но ведь как несправедливо, что никто почти об этом не знает! И не хочет знать. Здороваются ради приличия и равнодушно проходят мимо.

Оксана вдруг ясно поняла, что хочет сделать для этой бабушки что-нибудь хорошее. Просто так.

Эта идея окрылила ее, жажда деятельности обуяла настолько, что хоть сию же секунду выпрыгивай из постели. Она, кажется, впервые за свои неполных тридцать лет почувствовала, что ее посетило вдохновение.

Наверное, она напишет о тете Капе статью в газету. Еще лучше было бы снять передачу и показать по местному телевидению.

И вот в светлеющем оконном проеме Оксана уже видела плоды своей деятельности: газетную полосу с фотографией тети Капы, оператора с камерой, журналистку и съехавшихся ради такого уникального случая ее благодарных и поумневших (что в большей степени касалось Коли) детей.

«Да, правильно! — горячо соглашался с ней внутренний голос. — Ведь не станет тети Капы, и не станет ее истории. Конечно, ее будут знать дети и внуки, но родная-то деревня не будет знать

ничего! Сколько их уже ушло, безмолвно унеся с собой истории своих жизней! А ведь наверняка каждому было о чем рассказать».

И тут Оксану даже в жар бросило от нового озарения: одной статьи, одной тети Капы мало! Нужно целый альбом, архив создавать! Каждый расскажет помаленьку, а в итоге история всей деревни получится. Это же будет так интересно!

Успокоение еще долго не приходило к ней. Она намечала план действий, перебирала в уме стариков, которых непременно нужно будет навестить, составляла перечень обязательных вопросов.

Светящееся табло электронных часов показывало сначала первый, затем второй, третий час... Сон в конце концов сморил ее, но она несколько раз упрямо просыпалась и тревожно прислушивалась к себе: живо ли в ней еще то важное, что вынесла она от тети Капы, не растворилось, не рассеялось ли?

Оно, маленьким теплым облачком пристроившееся где-то под сердцем, каждый раз легонько толкалось: «Да здесь я, здесь». Тогда Оксана позволяла себе расслабиться и ненадолго провалиться в сон.

...Короткая летняя ночь, между тем, неумолимо утекала в прошлое, и новый день уже потягивался за линией горизонта. Ему еще хотелось спать, и, будь его воля, он провалялся бы в постели до обеда, но понимал: нельзя.

Нельзя подвести людей, которые выбрали его началом новой главы в истории своей жизни.